

МУНИЦИПАЛЬНОЕ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ «ГИМНАЗИЯ»

353730, Краснодарский край, Каневский район,
ст. Каневская, ул. Вокзальная, д. 35

АВТОР:

Порубайко Игорь Михайлович, 31.12.1992 г.р.

Встречи на «Площади Лихачева»

ПЕДАГОГ-НАСТАВНИК:

Семилейская Нина Алексеевна

Каневская
Краснодарского края
2009

Оглавление

<i>Неожиданное открытие.....</i>	<i>2</i>
<i>«Книжное чтение» и «почитание книжное...».....</i>	<i>4</i>
<i>«Друзья мои, прекрасен наш союз!...».....</i>	<i>9</i>
<i>«Одна любовь души моей...».....</i>	<i>12</i>
<i>Невольник чести.....</i>	<i>15</i>
<i>Стиль монументального историзма: поэт Пушкин и академик Лихачев</i>	<i>16</i>
<i>Вместо послесловия.....</i>	<i>17</i>
<i>Список литературы.....</i>	<i>18</i>
<i>Автобиография.....</i>	<i>19</i>
<i>Рецензия.....</i>	<i>20</i>

Пушкин – гений возвышения, гений, который во всем искал и создавал в советской поэзии наивысшие проявления: в любви, в дружбе, в печали и в радости, в военной доблести. Во всем он создавал то творческое напряжение, на которое только способна жизнь. Он высоко поднял идеал чести и независимости поэзии и поэта.

Д.С. Лихачев. Пушкин

Неожиданное открытие

Вместо предисловия

Мой научный литературоведческий крах на уроке литературы в 9 классе произошел из-за реферата моей старшей сестры, одиннадцатиклассницы Ольги. Когда-то в Малой академии наук нашего лицея готовилась конференция по древнерусской литературе, и Ольга часами сидела над своей «диссертацией» по «Слову о полку Игореве», она часто консультировалась по телефону со своим научным руководителем, и я, тогда пятиклассник, волей-неволей запоминал незнакомые имена, которые сестра всегда произносила каким-то значительным тоном:

— Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев... «Слово о полку Игореве» впервые стало доступно широкому читателю во всей сложности его идейного содержания... Эрудиция Дмитрия Сергеевича... Научная ответственность... Истинный патриотизм...

Вот так «Слово о полку Игореве» и имя академика Лихачева прочно срослись в моем сознании.

А через четыре года на уроке литературы произошла та катастрофа.

Наталья Ивановна, наша учительница литературы, всегда начинала вводные уроки по изучаемому произведению со всякого рода коварных вопросов, выяснявших особенности нашего читательского восприятия. И тогда она задала какой-то очень, по её мнению, важный вопрос:

— А как вы представляете себе автора «Слова о полку Игореве»?

Видимо, в моих глазах метнулась светлая искра мысли, поэтому Наталья Ивановна сделала широкий жест именно в мою сторону: «Пожалуйста, Игорь».

Конечно, я дома ничего не успел почитать (шел чемпионат по футболу), но доверие меня окрылило, и я смело выпалил застрявшие в голове обломки умных фраз сестры:

— Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев – истинный патриот, человек необыкновенно глубоких знаний... Он подарил нам «Слово о полку Игореве».

В полной тишине наша эрудитка Тамара хлопнула несколько раз в ладоши и изрекла: «Наконец-то тайна веков раскрыта! Bravo!»

Я взглянул на вдруг порозовевшую Наталью Ивановну и понял, что мой запасной парашют не раскрылся: я лечу на острые камни.

Но Наталья Ивановна неожиданно серьезно кивнула и сказала:

— Да, Игорь, ты коснулся очень интересной проблемы открытия древнерусской поэмы широкой читательской аудитории. Ты прав: своими исследованиями древнерусской литературы Дмитрий Сергеевич Лихачев сумел вернуть многим россиянам историческую память. «Память, - справедливо считал академик Лихачев, - это основа и совести, и нравственности, память – основа культуры». Конечно, культуры в самом широком понимании...

Да, Наталья Ивановна во всем умеет находить положительное, но на этом уроке мне от этого легче не стало, особенно после прозвучавшего утверждения, что автор «Слова о полку Игореве» неизвестен.

Вечером я достал огромную книгу «Слово о полку Игореве ~ 800 лет» (М., Советский писатель. 1986).

Древнерусский текст, уже разделенный кем-то на слова и предложения, показался не таким уж трудным, и я почувствовал себя почти «древником», читая строки о весте Бояне и начале похода (тем паче в классе Наталья Ивановна эту часть прокомментировала), но дальше я начал спотыкаться...

«Руская земля! Уже за шеломянемъ еси!»

«...ратаев кикахуть.»

Что такое «шеломянемъ», «кикахуть», «къмети»? С князьями в лирических отступлениях разобраться было просто невозможно: «Галички Осмомысл Ярославле! Высоко с диши на своем златокованом стол , подперь горы Угорскыи...»

Мой научно-исследовательский оптимизм таял, испарялся... Звучный текст терял нить мысли, казался слишком мудреным, просто зашифрованным. Хорошо, что я догадался полистать страницы тяжелой книги. Вот оно, спасение: «Д.С. Лихачев. Объяснительный перевод «Слова о полку Игореве». Вот здесь: «О русская земля! Уже ты за (пограничным) холмом!» Конечно же! Шлем и холм имеют одинаковое очертание, но вот попробуй это сразу представить... «Тогда по Русской земле редко пахари покрякивали (на лошадей, распахивая землю)». «Кикахуть» – какое просторное, летящее слово!

И весь вечер я сопоставлял строки «Слова» и комментарии Дмитрия Сергеевича. Прошлое становилось все ближе, яснее, тревожнее, а эпиграф урока (строки Михаила Дудина) наполнялся глубоким смыслом.

А кто сказал, что прошлое неявно?

Времен и судеб неразрывна связь...

Эта «связь» все четче прорастала через лаконичное и убедительное объяснение академика Д.С. Лихачева, человека, сумевшего соединить, сблизить далекие века, связать прошлое и настоящее своим уважением к исторической памяти, ответственностью «за землю Русскую».

Потом были поэтические переводы «Слова о полку Игореве», выполненные В.А. Жуковским, Н.А. Заболоцким, В.И. Стеллецким, но было

ясно, что без четкого разъяснения первоисточника, подробного комментария Д.С. Лихачева ощутить «аромат» поэтики шедевра неизвестного автора, просто глубоко понять текст я не смог бы.

И хотя вопросов становилось все больше, я уже знал, где искать на них ответы.

А 2006 год дал нам возможность узнать очень много о жизни, личности, общественной и научной деятельности Дмитрия Сергеевича Лихачева: специальные уроки, на которых мы изучали «Письма о добром и прекрасном», «Заметки о русском», отрывки из книги «Человек в литературе Древней Руси». Вечера, читательские конференции убеждали в одном: истинная интеллигентность, духовная красота – это результат огромного труда, труда, «для других», во славу Отечества.

Одна из страниц нашего устного журнала о Дмитрие Сергеевиче Лихачеве начиналась его словами, в которых я услышал укор своей малой начитанности: *«Культура как растение: у нее не только ветви, но и корни. Чрезвычайно важно, чтобы рост начинался именно с корней».*

Эти корни, конечно, нужно питать серьезным чтением. С чего начать?

«Книжное чтение и почитание книжное...»

*«Книжное чтение и почитание книжное должно сохранить для нас и для будущих поколений свое высокое назначение, высокое место в нашей жизни, в формировании наших жизненных позиций, в выборе этических и эстетических ценностей, в том, чтобы не дать замусорить наше сознание различного рода «чтивом» и «бессодержательной, часто развлекательной безвкусицей».*¹ Признаюсь, в этих мудрых и ясных словах Дмитрия Сергеевича меня как-то обнадежили, вдохновили слова «наши», «для нас», которые незаметно, ненавязчиво указали на некоторую нашу общность (читательскую!). Это серьезно! Да, *«книгу заменить ничем нельзя» и «общение с ней интимно»*, как утверждает Дмитрий Сергеевич, то есть требует полной сосредоточенности, уединения. *«Никакие посредники не нужны. Порой они мешают»*, - пишет Дмитрий Сергеевич. Но вот здесь я сразу почувствовал колоссальную разницу в нашем читательском опыте, отношении к книге. Мне-то как раз посредники очень нужны... Лучше сказать – умные помощники. Иначе... Иначе и А.С. Пушкин остался бы, наверное, для меня набором цитат и фактов биографии после того, как поэта «прошли» по школьной программе.

Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин» я «проглотил» до срока, опять же, потому что сестра готовилась к экзаменам, «зубрила» отрывки... Упругие, живые строки почему-то напоминали мне высокий горный водопад, чистый, звонкий, сильный. Мысли поражали:

Чем меньше женщину мы любим,
Тем легче нравимся мы ей,
И тем вернее ее губим

¹ Лихачев, Д.С. Раздумья.- М.: Детская литература, 1991

Средь обольстительных сетей...

Правда, «обольстительные сети» представлялись тогда почти как рыбацкие, только блестящие и красивые.

Великий роман Пушкина помогла мне открыть Наталья Григорьевна Долинина и ее книга с удивительным названием «Прочитаем «Онегина» вместе». В краткой аннотации к книге Н.Г. Долининой сказано: «Это не научное исследование и не комментарий к роману, а свободный разговор с читателем о пушкинских героях и о личности самого Пушкина, поэта и гражданина».

Первая же глава книги убедила меня, как увлекателен этот «свободный разговор» с человеком, который так хорошо знает Александра Сергеевича Пушкина и меня, своего читателя. Наталья Григорьевна так умело и легко вела разговор, что я ни на минуту не терял его нить, интерес к предмету беседы. Вот мое первое открытие, сделанное вместе с Натальей Григорьевной: «Кто главный герой романа «Евгений Онегин»?» Ответ на этот вопрос кажется вполне ясным: конечно, тот, чьим именем Пушкин назвал свою книгу; Евгений – кто еще?

«Но этот роман не совсем такой, как другие известные нам произведения того же автора, не только потому, что он в стихах. Что-то еще отличает его, скажем, от «Героя нашего времени» или «Рудина», или «Войны и мира». Это «что-то» - постоянное открытое присутствие автора. Он все время здесь, на страницах своей книги. То взглянет из-за плеча героя и улыбнется нам, то поделится своей печалью или радостью, то очень серьезно расскажет о своих мыслях, о своей любви, дружбе, работе».¹

И Н. Г. Долинина делает неожиданное для меня заключение: «Вот почему для меня главный герой романа все-таки сам Пушкин». Прочитать роман об Александре Сергеевиче Пушкине, им же самим написанный? Заманчивое предложение! И вот мы читаем «Онегина» вместе. И сразу же стало ясно, что я ничего не знаю об очень ярком, сложном, необыкновенно талантливом человеке – Александре Сергеевиче Пушкине, о его трудном времени, друзьях и врагах, людях, окружавших поэта, влиявших на его судьбу.

Читаю: «Сразу, с первой строки, он смело, весело, молодо бросается в бой против того, что мешает развитию литературы, что ненавистно: против сковывающих писателя правил и законов - за свободу мысли, за свободу творчества. Никого он не боится, ни критиков, ни ученых знатоков, на даже друзей-писателей, которые, конечно, рассердятся на него за подобное начало».²

Какое начало? В чем же его смелость? Абсолютное обыкновенное, на мой взгляд, начало. Это мысли Онегина о богатом дядюшке, которого он никогда не видел, но наследства ради обязан «печально подносить лекарство», ему «подушку поправлять» и т.д. Что ж особенного? Вопрос поставлен. И только книги, рассказывающие о лицейских годах Александра Сергеевича,

¹ Долинина, Н.Г. Прочитаем «Онегина» вместе. – Л. 1968. – с.8

² Долинина, Н.Г. Прочитаем «Онегина» вместе. – Л. 1968. – с.9

прояснили ситуацию. 10 декабря 1815 года юный Пушкин (об этом упоминают все биографы) записывает в своем дневнике: «Третьего дня хотел начать ироническую поэму «Игорь и Ольга», а написал эпиграмму на Шаховского, Шихматова и Шишкова, - вот она!

Угрюмых тройка есть певцов:
Шахматов, Шаховской, Шишков.
Уму есть тройка супостатов:
Шишков наш, Шаховской, Шахматов.
Но кто глупей из тройки злой?
Шишков, Шахматов, Шаховской».

Вот так едко писал Александр о консерваторах общества, «губителях русского языка», стремившихся навязать литературе полумертвый, далекий от живого поэтического язык. Александр уже тогда знал, каким же должен быть современный поэтический язык, где искать его сокровищницу. Каждая биографическая книга обязательно с благодарностью вспоминает крепостную Арину, ставшую для будущего поэта не только няней, но и первой наставницей в освоении богатств русского фольклора, поэтического народного языка. Семен Степанович Гейченко в своей книге «Пушкиногорье» немало пишет о постоянном интересе Александра Сергеевича к яркому, образному языку фольклорных произведений. Вот где секрет! Это была настоящая любовь к яркому, сильному своей выразительностью языку, любовь, которая с годами становилась все сильнее. А в 1815 году «егоза» Пушкин вот так хлесткой эпиграммой освистал лингвистических староверов, потому что он, наверное, тогда уже ощущал в себе мощное, неукротимое движение слов, которые, соединяясь, обретают необыкновенную силу... Потом будет поэма «Руслан и Людмила», появление которой, как пишет В. Иванов, современник-галломан сравнил с гостем «в армяке, в лаптях», который ввалился в Московское благородное собрание и заорал: «Здорово, ребята».

Тайна чуть-чуть приотворяется. Да, уже первые строки романа «Евгений Онегин», который «носит на себе отпечаток веселости», - это вызов, вызов староверам, стремящимся не пускать в литературу живой русский язык, подменить его рафинированным салонным. И я понимаю: если Александр Пушкин и не принимал участия в сложных дискуссиях о современном русском литературном языке, то своими произведениями он положил конец затянувшемуся спорам чопорных теоретиков, убедительно доказав, какие неисчерпаемые возможности, какую скрытую силу изобразительности имеет народный поэтический язык. И все убедительнее становились хрестоматийные истины В.Г. Белинского: «Пушкин был первым русским поэтом-художником».

И дальше, читая страницу за страницей книгу Н.Г. Долининой, я все яснее понимаю, как много надо знать, чтобы приблизиться к глубине мыслей А.С. Пушкина, дойти до того высокого уровня, который хотя бы приоткроет сложную и важную истину. Но «мы все учились понемногу...» Вроде бы успокоительная формула. Но Н.Г. Долинина опять задает очень непростой

вопрос: «Кто же – «все»?» И неужели в слово «мы» Пушкин включает себя, Пушина, Кюхельбекера, Дельвига, друзей-лицеистов?

Очень высокую оценку Лицею, его роли в формировании личности будущего поэта подчеркивали многие исследователи, биографы, современники: С.М. Бонди, Д.Д. Благой, Ю.Н. Тынянов, Е.А. Майнин.

Николай Николаевич Скатов в книге «Русский гений» пишет: «На Лицей были возложены великие надежды, и поэтому в него было вложено все лучшее, что имела культурная Россия».¹

Ссылаясь на воспоминания Царскосельского педагога И. Анненского, Н.Н. Скатов доказывает, что А. Пушкин «вышел из лицея с порядочным запасом сведений». Следовательно, никак нельзя сказать, что лицеисты учились «понемногу». Семь часов за книгами каждый день – это, несомненно, труд немалый, плодотворный. Стоп! А разве мы в гимназии работаем не столько же? А все же знаем только о чем-то и очень даже «понемногу». Что-то здесь не сходится.

«Золотой» том сочинений Пушкина, изданный в 1993 году, не раз помогал мне готовиться к урокам литературы, но вступительную статью выдающегося отечественного пушкиниста Б.В. Томашевского теперь я читал очень внимательно. Ведь Борис Викторович готовил к изданию «Юбилейное Большое Академическое издание Пушкина» (1937 г.) и «Словарь языка Пушкина», это человек, суждениям которого надо доверять.

Прочтение биографического очерка Б.В. Томашевского «Пушкин», привело меня в некоторое недоумение: никакой традиционно высокой оценки Лицея здесь нет. Напротив! Соглашаясь с тем, что для преподавания в Лицее были приглашены лучшие специалисты, Борис Викторович пишет: «... но и лучшие были не на высоком уровне. Преподавание было беспорядочным, что объяснялось и неподготовленностью преподавателей, неумелым административным руководством, и неудачно составленной программой... в программу входило очень много материала, который не мог быть усвоен за это время и по необходимости сводился к самому поверхностному ознакомлению. Преподавание языков было поставлено плохо».² И называя талантливых преподавателей (Куницина, Кайданова, Кошанского, Галича), Б.В. Томашевский тут же цитирует товарища А. Пушкина М. Корфа: «Кто не хотел учиться, тот мог предаваться самой изысканной лени»³. Это, конечно, резко меняет представление об уровне знаний выпускника Лицея Александра Пушкина, который по результатам обучения занимал среди выпускников 19 место. Открытие, честно признаться, нелегкое.

Говорить о гении, что он слаб был в математике, нарушал дисциплину на Законе Божьем, как-то непривычно, неловко даже. Но именно эти «развенчивающие» факты неожиданно приблизили ко мне Пушкина, дали почувствовать обаяние личности моего сверстника. Должна же и в науке

¹ Скатов, Н.Н. Русский гений. – М: Современник. 1987. – с.59

² Томашевский Б.В. Пушкин – М., 1993. с. 9

³ Скатов Н.Н. Русский гений. – М: Современник. 1987

быть своя любовь! Хотя среди лицеистов первое место в написании стихов принадлежало вначале отличнику Илличевскому, а вот гением все же стал Пушкин, который и был, по оценке преподавателей, «легкомыслен», зато имел «особую страсть к поэзии». Старания мало, чтобы сказать свое весомое, яркое слово, нужна увлеченность и одержимость.

«Пушкин - великий труженик, его колоссальная образованность – результат кропотливого труда»,¹ - нахожу я в книге Н.Н. Скатова подтверждение своим предположениям. И дальше самое главное: «Наверное, не было русского писателя, для которого книга значила бы так много. С самого детства он был счастливо обречен книге. Книги - чуть не последнее, с чем он попрощался уже на смертном одре: «Прощайте, друзья!»

Пушкин стал гениальным писателем, прежде всего, потому, что он был гениальным читателем. Что ж, пусть в точных науках Александр Сергеевич и не преуспел, но как горячо он говорит о своей увлеченности книгами в стихотворении «Городок» (1815)

Один я не скучаю
И часто целый свет
С восторгом забываю
Друзья мне – мертвецы,
Парнасские жрецы;
Над полкою простою
Под тонкою тафтою
Они со мной живут
Певцы красноречивы,
Прозаики шутливы
В порядке стали тут.

Гомер, Вергилий, Торквато Тассо, Жан Лафонтен, Расин, Парни, И.А. Крылов, И.И. Дмитриев, И.Ф. Богданович, Я.Б. Княжнин, В.А. Озеров... Список литературных авторитетов лицеиста Пушкина очень велик, но сейчас важно другое: то восхищение, с которым юный поэт говорит о книгах. А сколько еще будет прочитано! И *как* прочитано! Льву Николаевичу Толстому принадлежит парадоксальное (на первый взгляд) суждение: «Написать в жизни одну хорошую книгу вполне достаточно. И прочитать тоже». Прочитать книгу по-настоящему серьезно – это не только осмыслить все богатство идейного содержания и красоту формы, но и дорасти душой до высоты автора. Возможно ли? Да, талант чтения – особый талант, и из него может развиваться, вырасти любое дарование. Книги Александр не просто читал, а постигал, переплавляя важные мысли в свои убеждения, открывая, видя и то, что только обозначено на страницах. Французскую литературу он знал отлично, зачитывался произведениями Корнеля, Расина, Мольера, Вольтера, глубоко разбирался в творчестве теоретика классицизма Буало... Русскую современную литературу он заучивал страницами. Василий

¹ Томашевский, Б.В. Пушкин – М., 1993. с. 90

Андреевич Жуковский, Николай Михайлович Карамзин – это наставники, каждое напечатанное слово которых – это особая радость, открытие.

В письме к В.А. Жуковскому от 17 августа 1825 года Александр Сергеевич пишет: «... читаю только Карамзина и летописи. Что за чуда эти 2 последние тома Карамзина! Какая жизнь! Это злободневно, как свежая газета...» Так мог читать не просто отзывчивый читатель, а большой мыслитель, умеющий связать прошлое с настоящим, увидеть вечные проблемы в «преданьях старины глубокой». И какое-то слово, строка сочинений Н.М. Карамзина вдруг развернулись в творческом воображении поэта в живую картину, и ясно зазвучали голоса тех, кто, делая свой нравственный выбор, писали русскую историю: князей Шуйских, самозванца Бориса Годунова, Марины Мнишек.

Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу...

Трагедия «Борис Годунов» - это не иллюстрация к русской истории, это глубокое осмысление прошлого, это и пророчество, и предостережение.

Как же научиться читать так, как А.С. Пушкин? Сколько же надо прочесть, знать, чтобы видеть мир так ясно?

В последнем кабинете поэта, в квартире на набережной Мойки, богатая библиотека, которая столько знает правды о своем великом хозяине. Многие книги хранят «пометы резкие ногтей», маргиналии поэта, рассказывающие о Пушкине – читателе.

Да, учиться можно и «понемногу», но образование – это другое! Это создание Личности, духовно высокого человека. И здесь никакие программы и даже книги не помогут, если чтение не станет постижением, «творческим напряжением». Это один из сложных уроков Александра Сергеевича Пушкина, который я получил при чтении книг о Пушкине. Чтение? Увы, да! До постижения еще очень далеко. Нужно еще и еще пытаться приблизиться к человеку, который, по словам Д.С. Лихачева, «во всем искал и создавал в своей поэзии наивысшие проявления».

«Друзья мои, прекрасен наш союз!..»

Ни музы, ни труды, ни радости досуга,
Ничто не заменит единственного друга.

А. Пушкин.

Арина Родионовна Яковлева, Иван Иванович Пущин, Антон Антонович Дельвиг, Вильгельм Карлович Кюхельбекер, Иван Васильевич Малиновский, Василий Андреевич Жуковский, Петр Андреевич Вяземский, Александр Иванович Тургенев, Петр Яковлевич Чаадаев, Николай Михайлович Карамзин, Денис Васильевич Давыдов, Екатерина Николаевна Ушакова, Александра Осиповна Смирнова... Что объединяет, сближает этих столь разных людей? Это друзья Пушкина. Удивительно, но перечень должен быть во много раз больше. Почему удивительно? Потому что «потомок негров безобразный» часто был не в милости власти, слишком прямолинеен и... не так знаменит, как теперь.

Но о друзьях поэта написаны солидные книги. «Друзья Пушкина» - именно так называется двухтомник, изданный в Москве в 1984 году. Это сборники документов и материалов, характеризующие отношения Пушкина с его близкими друзьями. Более 30 имен! Оказывается, у поэта был еще один редкий дар – умение дружить. В биографическом очерке, предваряющем издание, В.В. Кунин пишет: «Определяющим фактором для выбора друзей Пушкина должна быть прежде всего, глубина взаимного духовного воздействия, близость душевных побуждений и сокровенных мыслей. Друзья Пушкина были не только людьми, с которыми он щедро делился мыслями и чувствами... но и от которых получал постоянный отклик, импульсы к творчеству и обыкновенную человеческую поддержку».

Вот как вспоминает Василий Андреевич Жуковский первую встречу с Александром Пушкиным: «... я сделал еще одно приятное знакомство с нашим молодым чудотворцем Пушкиным. Милое, живое творение. Он мне обрадовался и крепко прижал руку мою к сердцу...» И вот здесь я хочу остановиться и поразмышлять об этом счастливом даре Пушкина – располагать к себе людей, умении самому сделать шаг навстречу хорошему человеку. «Милое, живое творение» - это первое впечатление. Откуда оно? Не сомневаюсь ни на минуту: от переполнявшего Александра восторга поэзией В.А. Жуковского, от льющейся из глаз радости, от искреннего восхищения талантом. Вот первое объяснение секрета любви многих необыкновенно ярких людей к Пушкину: Александр Сергеевич всегда сам умел ценить ум, достоинство, духовную красоту, умел выразить уважение (а не зависть!) к таланту любого человека полно и искренне.

Одним из настоящих друзей-наставников стал для лицеиста Пушкина корнет лейб-гвардии Гусарского полка, участник Бородинского сражения (а потом и сражений под Кульмом и Лейпцигом), награжденный за мужество орденом Анны IV степени и железным крестом, Чаадаев Петр Яковлевич, который служил в Царском Селе. Петр Яковлевич учился в Московском университете по словесному отделению вместе с А.С. Грибоедовым, будущими декабристами Н.И. Тургеневым и И.Д. Якушкиным. У него была прекрасная библиотека, он был «своеобычен в мыслях» и «привлекал всеобщее внимание». Конечно, дружба с таким человеком могла польстить любому лицеисту. Но меня интересует другая сторона вопроса: что же Чаадаева привлекало в Пушкине, который был пятью годами младше? В стихотворении «Чаадаеву» (1821) Пушкин благодарит Петра Яковлевича за понимание, поддержку:

В минуты гибели над бездной потаенной
Ты поддержал меня недремлющей рукой

Поэт хранит в душе самые разные мгновения счастливого прошлого, когда рядом был мудрый друг: «беседы прежних лет», «пророческие споры», «знакомых мертвецов живые разговоры», «вольнлюбивые надежды»... Сколько же надо было знать, чтобы спорить с умнейшим Чаадаевым! Но к книгам Пушкина всегда влекло, тянуло, и слушатель он, несомненно, был благодарный и внимательный, поэтому дружба крепла. И тем более вот такая

открытая душа, где горела «к высокому любовь». Здесь разница в возрасте стиралась совершенно. А почему так неустанно заботился о Пушкине Александр Иванович Тургенев? Почему, переступив служебный долг, «маленький полковник» Федор Глинка предупреждает Александра о грозящем обыске? Почему хлопочут перед царем об опальном поэте и Н.М. Карамзин, и В.А. Жуковский? Почему И.И. Пущин и А.А. Дельвиг, нарушая запрет, навестили ссыльного друга в Михайловском?¹ Почему, наконец, послание – излюбленный жанр лирики Пушкина? Ведь названия его стихотворений порой воспринимаются как надпись на конверте: «К Батюшкову», «К Н.Г. Ломоносову», «К Каверину», «Тургеневу», «К Чаадаеву», «Алексееву», «Ф.Н. Глинке», «Давыдову», «П.А. Осиповой»... И еще! И еще! И каждое послание хранит любовь, уважение поэта к адресату, выраженное удивительно свежо, ярко, убедительно. И каждое из них – «меж собеседниками мост», прочный, надежный, по которому хочется пройти еще и еще...

Почему? Почему? Почему?.. И мне все больше кажется, что главная книга о Пушкине должна называться так: «Любящий Вас Пушкин». Нужно уметь заслужить уважение друзей, их любовь, преданность. Александр Сергеевич это умел. Как удивительно сформулировал он свое представление о душевном спокойствии, радости:

И в жизни сей мне будет утешенье:

Мой скромный дар и счастье друзей...

«Счастье друзей»... Как трудно, когда оно рушится! Страшный рубеж – 14 декабря 1825 года – стал еще и каким-то испытанием нравственности, человеческой прочности. Да, «явились дикие фанатики рабства», как точно определил особенности этого времени А.И. Герцен. «Никто (кроме женщин) не смел показать участия, произнести теплого слова о родных друзьях, которым еще вчера жали руку, но которые за ночь были взяты».² А Александр Пушкин страдает не от страха быть причисленным к отверженным, а от боли за них. Ему бы, как никому другому, поутихнуть: на дурном ведь счету у власти. Но там, «во глубине сибирских руд», друзья теряют веру и надежду. Что может быть страшнее? И «любовь и дружество» Александра Пушкина прошли «сквозь мрачные затворы». Более того – стали уроком оптимизма и стойкости для всей присмирившей России. Дружба – это жертва во благо дорогого человека, это поступок, требующий мужества, душевных сил, это умение стать выше самых трудных обстоятельств. Как бы ни толковали исследователи «Послание в Сибирь», эта мысль остается бесспорной и очень важной для понимания многих произведений Пушкина. Евгений Онегин, конечно, «повесы пылкий», но ведь он друг Пушкина, и это важнее всего! Это многое меняет! Просто не со всеми Евгений был открыт, а под маской светского человека скрывался «добрый... приятель» поэта. И

¹ Кунин, В.В. Друзья Пушкина. – М. «Правда» 1986. – с. 483

² Герцен, А.И. Былое и думы. Л., 1950. – с. 76

Пушкин видел в нем то, чего не могли заметить в свете. Ему нравились в Онегине

Мечтам невольная преданность,
Неподражательная странность
И резкий, охлажденный ум...

Дальше у Евгения – «горе от ума»...

Все больше вчитываясь в произведения А.С. Пушкина о дружбе, в исследования, детально их анализирующие, я все яснее понимаю, что «Пушкин – гений возвышения, гений, который во всем искал и создавал в своей поэзии наивысшие проявления». Друзья Пушкина остались вечно жить в неповторимых произведениях поэта, он подарил им бессмертие...

А в 30е годы следующего века Дмитрий Сергеевич Лихачев расскажет о «театре абсурда» - о лагере в Соловецких лесах, куда ссылали тех, кто неудобен был советской власти. И через много лет бывший политзаключенный Д.С. Лихачев написал книгу «Воспоминаний», где воссоздал трагическую историю множества ярких человеческих судеб, с которыми его столкнула жизнь. «Люди Соловков»: Александр Александрович Мейер, Гавриил Осипович Гордон, Павел Фомич Смотрицкий, Владимир Сергеевич Раздольский, Александр Артурович Пешковский и многие другие – словно переступают невидимые рубежи времени, входят и в нашу жизнь. «Любовь и дружба» снова побеждают забвение...

Об отношении к людям Д.С. Лихачев говорил, что надо уметь «возвышать друг друга». Он это прекрасно умел сам, поэтому и в А.С. Пушкине всегда видел все самое светлое, солнечное.

«Бывают странные сближенья», - написал А.С. Пушкин лирической осенью 1830 года.

Странные? А может быть, вполне закономерные?..

«Одна любовь души моей...»

Благоговевя богомольно

Перед святыней красоты

А.С. Пушкин

Что такое любовь? Ясный, исчерпывающий ответ на этот вопрос я получил от А.А. Пушкина еще тогда, когда все домашние по очереди читали мне мудрую «Сказку о мертвой царевне и семи богатырях». И не знаю еще таких сложных слов, как «благородство», «верность», «духовная красота», я уже твердо знал, что любовь это такое необыкновенно чувство, которое способно победить любое зло, даже смерть. Царевна молодая покоряла своей кротостью, великодушием, бесхитростным умом. И как удивительно, одной деталью А.С. Пушкин подчеркнул обезоруживающую силу искреннего доброжелательства:

Ей навстречу пес, залая,
Прибежал и смолк, играя

(А ведь к Чернавке бросился «лесного зверя злей»!) Обиженная царевна не рыдает, не клянет судьбу и злую мачеху, а сразу ловко берется за дело в чужом пока тереме:

Дом тихонько обошла,
Все порядком убрала.
Засветила Богу свечку,
Затопила жарко печку...
На полати взобралась
И тихонько улеглась

Это «тихонько» мне почему-то особенно нравилось, заставляло представить неторопливые, несуетливые, мягкие движения, которые могут быть только у спокойного человека, чья совесть абсолютно чиста.

(Позже я прочитал о Татьяне Лариной очень для себя важное: «Все тихо, просто было в ней». Душевная тишина, покой не даются плохим людям - это для меня аксиома).

И каждый раз, когда чтение «Сказки о мертвой царевне» доходило до кульминации, мне так хотелось, чтобы «царевна потерпела» и не надкусывала ядовитого яблочка! Но у Пушкина все как в жизни: царевна, не подозревая о коварстве, «кусочек проглотила», и «тиха, недвижна стала».

А королевич Елисей не верит черным слухам, «меж тем по свету скачет», пытаюсь найти свою возлюбленную, и ветер приносит ему горькую весть о смерти невесты.

Мне казалось, что королевич должен поцеловать «мертвую царевну», как это бывает в русских народных сказках. Но у Пушкина все опять же правдоподобнее, убедительнее:

И о гроб невесты милой
Он ударился всей силой
Гроб разбился.

(Позже я видел такое отчаяние, страшное проявление безутешного горя, когда на закрытый гроб сына падала без сил и слов мать...)

Все в сказке закончилось хорошо! Любовь восторжествовала!

И с невестою своей
Обвенчался Елисей

Слово «обвенчался» долго было для меня не очень важным, ведь главное – «свадьбу тотчас учинили». Но пришло время удивительного открытия – встреча с доброй книгой «А.С. Пушкин: путь к Православию». Тему религиозных исканий писателей как-то не очень принято обсуждать в школе, а здесь все вот так прямо и однозначно. «Пушкин как нравственная личность и православный христианин» - так названа статья митрополита Антония (Храповицкого).¹ Уже, не скрою, одно название удивляло, но вело к новому пониманию ускользнувших вначале деталей. Да, эпилог сказки мог быть только такой – венчание любящих, обет вечной супружеской верности, данный Богу.

¹ А.С. Пушкин: путь к Православию. М., 1996.- с. 145

«Сказки Пушкина, - отмечает В.С. Непомнящий, - это своего рода азбука национального характера, где уже содержатся... коренные вопросы нравственной жизни».¹ Несомненно, «здесь русский дух» потому, что настоящая любовь в изображении Пушкина сильна, терпелива, целомудренна, т.е. именно такова, какой ее представляет нравственный национальный идеал.

Тема верности проходит через все произведения А.С. Пушкина. Как трудно, наверное, было Татьяне произносить эти слова:

Я вас люблю (к чему лукавить?),
Но я другому отдана;
И буду век ему верна.

Казалось, «счастье было так возможно»... Но верность супружескому долгу, глубокая порядочность не позволяют Татьяне лгать, воровать любовь. Верна данному слову и Марья Кириловна («Дубровский»), и Маша Миронова («Капитанская дочка»).... Это, по мнению Александра Пушкина, норма нравственной жизни православного человека, не переступающего седьмую заповедь Божию («Не прелюбодействуй»).

«Но ведь он сам!» - обязательно возразит этим доводам какой-то большой знаток личной жизни поэта и начнет цитировать документы из книги В.В. Вересаева «Пушкин в жизни», и «Дон-жуанский список Пушкина», а того хуже – рассуждения Анатолия Мадорского «Сатанинские зигзаги Пушкина».

А сам он? Сам он отстаивал честь своей семьи и жены до конца, до смертного часа. А по поводу всякого рода «грешков» очень хорошо сказал Дмитрий Сергеевич Лихачев: *«Сколько раз Пушкину пришлось бы вступить за честь Наталии Николаевны и вызвать на дуэль различных любителей копаться в его семейной жизни»*. (Анатолия Мадорского, убежден, Пушкин точно бы застрелил!)

Поэт подарил нам свои глубокие, чистые, полные живого чувства стихи – роскошный дар. За это благодарят всем сердцем, а не спешат найти «соринку в глазе брата», чтобы оправдать свою нравственную глухоту, отсутствие всякого таланта.

Стихи о любви Пушкина поражают своей отточенностью, чистотой чувства. Да, совершенно прав Дмитрий Сергеевич, напоминая, что Б.В. Томашевский называл «паразитическими ассоциациями» попытки видеть за любовными стихами Пушкина узко биографические факты (о какой именно женщине идет речь в том или ином стихотворении – о Ризнич, Керн, Воронцовой или еще о ком-то).² Но все же я с нескрываемым интересом рассматриваю портреты адресатов любовной лирики: Катенька Бакунина, Елизавета Ксаверьевна Воронцова, Вера Федоровна Вяземская, Анна Петровна Керн, Мария Николаевна Волконская, Анна Алексеевна Оленина, Александра Осиповна Смирнова («черноокая Россети»), Наталья Николаевна Пушкина... Прекрасные одухотворенные лица, умные глаза, утонченность,

¹ Непомнящий, В.С. Да ведают потомки православных. М. 2001

² Лихачев, Д.С. Заметки и наблюдения.- М: «Советский писатель». 1989, стр. 160

грация... Ловлю себя на мысли, что и авторы портретов могли быть поэтами и видеть «совершенства образец» там, где... чуть-чуть до него не хватало. Но это совсем неважно, чем оригиналы отличаются от своего художественно воплощения. Здесь важно другое: фокус зрения художника, умение увидеть, найти желаемое – «чистейшей прелести чистейший образец».

Стихи о любви Пушкина не надо «разбирать», искать в них всякие творческие особенности, находки, их нужно читать *«без посредников»*, наедине с собою, учась умению видеть, ценить прекрасное. «Ночь», «Простишь ли мне ревнивые мечты...», «Все кончено: меж нами связи нет...», «Желание славы», «Сожженное письмо», «Храни меня мой талисман...», «Я помню чудное мгновенье...», «Ее глаза», «Ты и Вы», «Предчувствие», «Подъезжая под Ижоры...», «Я вас любил...», «На холмах Грузии лежит ночная мгла...», «Что в имени тебе моем?», «Признание», «Мадона», «Красавица» - это мгновения жизни крылатой души Поэта, которые через века освещают и нашу жизнь. Читая эти строки,

Вдруг остановимся невольно,
Благоговевя богомольно
Перед святыней красоты.

И это так потому, что, как точно отметил Д.С. Лихачев, *«все создано под высоким давлением духа»*.¹

Невольник чести

Погиб Поэт - невольник чести...

М.Ю. Лермонтов

*«Если бы Пушкин не вызвал на дуэль, не защитил честь своей жены (хотя от современных нам «сплетников» это ему не удалось), он бы никогда не защитил бы и честь своей поэзии. Поэт не может быть с запятнанной честью»*², - писал Д.С. Лихачев в заметке «Мелочи поведения».

Да, Пушкин *«высоко поднял идеал чести и независимости поэзии и поэта»*, когда писал смелые, обличительные строки «Деревни», взывая честных людей увидеть в России «езде невежества убийственный позор», когда пламенными строками звал «Отчизне посвятить» «души прекрасные порывы», когда открывал читателям страницы русской истории, когда «милость к падшим призывал», когда доказал, как богат наш поэтический народный язык, когда определил высокую задачу поэзии – пророчество, исполнение Божьей воли, когда стремился объединить в своем журнале «Современник» всех лучших писателей и поэтов, ясно понимавших свою ответственность за судьбу России, когда умел достойно и прямо отвечать на опасные вопросы царя... Сколько их, этих «когда» у нас, имеющих возможность прочитать все написанное Пушкиным и о Пушкине?

¹ Лихачев, Д.С. Заметки и наблюдения.- М.: «Советский писатель». 1989.- с. 155

² Лихачев, Д.С. Заметки и наблюдения.- М.; «Советский писатель». 1989.- с. 327

Но для меня особенно важна оценка того, кто жил рядом с Александром Сергеевичем, был свидетелем событий, которые, соединяясь, привели к трагедии на Черной речке. В те роковые дни было немало злых языков, людей с «черной кровью», которые нашли множество оснований обвинить в случившемся именно Пушкина. «За этого Дантеса весь наш бомонд, особенно юбки», - написал тогда В.Г. Бурнашев. Несомненно, и двор, если уж приказано было и отпеть поэта почти тайно. Тогда и стали расходиться по Петербургу листки со стихотворением М.Ю. Лермонтова «Смерть Поэта». Уже название ясно указывает, что такое для России Пушкин. Это ее Поэт.

Погиб Поэт – невольник чести –
Пал, оклеветанный молвой...

Александр Сергеевич Пушкин в оценке Лермонтова – это человек с «гордой головой», «дивный гений» (то есть даже среди гениев высоко стоит «его свободный, смелый дар»). Это – слава России (наша слава). Стихотворение звучит как приговор палачам, которые таятся «под сению закона». Грозно и сильно звучали последние строки:

И вы же смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

Какое необычное и емкое словосочетание – «праведная кровь»! «Праведная» в этом контексте – это пролитая за честь, справедливость, правду. Разве после прочтения этого стихотворения можно усомниться в том, что Пушкин высоко поднял идеал чести и независимости поэта и поэзии?

Стиль монументального историзма: поэт Пушкин и академик Лихачев

Стиль монументального историзма, по утверждению Д.С. Лихачева, относится к русской культуре XI – XIII веков и «характеризуется стремлением рассматривать предмет изображения с больших дистанций: пространственных, временных, иерархических. Это стиль, в пределах которого все наиболее значимое и красивое представляется большим, монументальным, величественным». А может быть, нарушая законы хронологии, посмотреть, «как бы с большой высоты или большого удаления» на разделенные немалым временем Личности – Александра Сергеевича Пушкина и Дмитрия Сергеевича Лихачева? Конечно, «волна и камень, стихи и проза, лед и пламень не столь различны меж собой...» Дворянин, «егоза» Пушкин, который «был от балов без ума», оставивший для завистников и клеветников еще и длинный дон-жуанский список, и сын служащих, труженик, книжник, живший одним сознанием – узнать, как можно больше, успеть сказать свое нужное людям, весомое слово... Что может их объединять? И ответ гораздо проще, чем кажется вначале. Оба они, поэт Пушкин и академик Лихачев, истинно русские люди, жившие, «одну Россию в мире видя», сумевшие каждый за отведенный ему Богом срок на земле сделать так много для развития национальной культуры.

Александр Пушкин серьезно занимался изучением русской истории, черпал из нее живой материал для создания своих произведений. «Гордиться

славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие», - писал поэт в 1828 году.

И Дмитрий Сергеевич все свою творческую жизнь воскрешал прошлое России, сумел доказать, как богата древнерусская литература, как много она значила в духовном укреплении нации.

Александр Сергеевич Пушкин гордился тем, что его книги пробуждали «чувства добрые» у читателей. Но разве книги Дмитрия Сергеевича мало делают для того, чтобы люди стали честнее, добрее, интеллигентнее?

Тайна безмерного обаяния Пушкина, по мнению Д.С. Лихачева, в том, что поэт по сей день является образцом доброты и таланта, смелости и простоты, демократичности, верности в дружбе, бескрайности в любви, уважения к труду и людям труда. И развивая эту мысль, Дмитрий Сергеевич говорит о любви Пушкина к Родине, к ее истории, ее будущему, о его умении любить жизнь.

Но разве что-то другое можно сказать о Д.С. Лихачеве? Бывают *важные* сближенья!

Вместо послесловия

«Пушкиноведение необозримо, это поистине «вторая литература», во многом параллельная отечественной литературе XIX – XX веков. Огромную часть пушкиноведения составляют споры»¹, - пишет Непомнящий В.С.

Я успел уже это понять. Как и другое: надо еще очень многое прочитать, чтобы понять скрытое, новое в известных, казалось бы, произведениях, разобраться в «пёстрой путанице мыслей».

А еще – внимательно перечитать книги Дмитрия Сергеевича Лихачева. Он удивительно просто и ясно умеет говорить о сложных вещах. Дмитрий Сергеевич сразил меня еще и тонким чувством юмора, умением наблюдать жизнь, радоваться разным ее проявлениям. И получается, что постепенно крупинки знаний слагаются в яркий, значительный образ, который можно условно определить так – «мой Лихачев». Ведь в интервью ННТВ, от 10 февраля 1997 года Дмитрий Сергеевич сказал: *«Прежде всего, сочетание «Мой Пушкин», мне кажется, очень хорошее. Близкий, дорогой...»*² Хорошо, тепло и понятно сказано, хотя раскрыть сложность этих понятий очень нелегко, потому что они текучи, подвижны...

Но все равно встречи на «Площади Лихачева» получились очень интересными и полезными, обещающими радость новых открытий.

¹Непомнящий, В.С. Да ведают потомки православных. - М., 2001

² <http://www.hist.nnov.ru/pushkin/marafon/lihachev.htm>

Список литературы

1. Лихачёв, Дмитрий Сергеевич Земля родная [Текст] /Д.С.Лихачёв:книга для учащихся. - М.: Детская литература,1983
2. Лихачёв Дмитрий Сергеевич Письма о добром и прекрасном [Текст]/Д.С.Лихачёв.- М.: Современник,1988
3. Лихачёв Дмитрий Сергеевич Избранное. Воспоминания./Д.С. Лихачёв.- СПб.: Нева, 1997
4. Лихачёв, Дмитрий Сергеевич Заметки и наблюдения : Из записных книжек разных лет [Текст]/Д.С.Лихачёв.- Ленинград, Невский проспект,1989
5. Пушкин, Александр Сергеевич Собрание сочинений[Текст] серия «Золотой том» /А.С.Пушкин.- М.: имидж,1993
6. А.С.Пушкин: путь к православию [Текст]:сборник статей.- М.: Отчий дом,1996
7. Герцен, А.И. Былое и думы [Текст]/А.И.Герцен.-Л.: «Детская литература»,1950
8. Друзья Пушкина : сборник воспоминаний[Текст]: Т.1.- М.: Правда, 1966
9. Долинина, Н.Г. Прочитаем «Онегина» вместе[Текст]/ Н.Г.Долинина.- Л.: Детская литература ,1968
- 10.Тынянов, Ю.Пушкин [Текст]/Ю. Тынянов.- Кишенёв,1977
11. Маймин,Е.А. Пушкин: жизнь и творчество[Текст] /Е .А .Маймин .- М.:Наука,1982
12. Гейченко,С.С. Пушкиногорье [Текст]/С.С.Гейченко.- М.,1987
13. Скатов, Н.Н.Русский гений [Текст]/Н.Н.Скатов.- М.:Современник,1987
- 14.Лотман, Ю.М. О поэтах и поэзии [Текст]/ Ю.М.Лотман.- СПб.: Искусство,2001
- 15.Непомнящий, В.С. Да ведают потомки православных [Текст]/В.С.Непомнящий.- М.: Сестричество Великой княгини Елизаветы,2001